

Дам Прекрасных имена
Мог бы я назвать тотчас,
Но восторг от них угас,
Их краса омрачена.

Раймон де Мирваль
«Жизнеописание трубадуров»

Глава 1

«САВОЙ»

О прошлом жалеть не стоит. Надо уметь жить сегодняшним днем. После двадцати восьми лет брака Нателле Георгиевне этого не надо было повторять дважды. Если жизнь чему-то тебя учит — усваивай это. Если она бьет тебя — залечивай синяки. Если она дарит что-то — цени, потому что это ненадолго.

Неделю в Риме они с мужем подарили сами себе совершенно бескорыстно — так по простоте душевной думала Нателла Георгиевна. Из двадцати восьми лет их совместной жизни последний месяц выдался трудным, почти катастрофичным. Но она справилась с катастрофой. Так, по крайней мере, казалось Нателле Георгиевне. Справилась и решила, что все можно похоронить и забыть. А местом для забвения был избран Рим.

Муж Нателлы Георгиевны Орест Григорьевич всю организацию поездки взял на себя — ездил в турагентство, лично выбирал отель, заказывал авиабилеты на регулярный аэрофлотовский рейс. За время этих хлопот он словно помолодел на несколько лет. Был оживлен, весел. Твердил, что они отлично отдохнут. Когда ему звонили их общие с Нателлой друзья, он не забывал сообщить всем и каждому, что они с женой решили махнуть в отпуск в Италию, посмотреть Вечный город. Говорил, что они намеренно не желают связывать себя рамками банального тура, где вечно собирается не пойми какая

сборная солянка из ретивых, жадных до заграничных впечатлений соотечественников, а едут тесной компанией «своих». Что, кроме Рима, они проведут еще неделю на море — возможно, в Амальфи или на Сицилии. Что мертвый «несезон» их с женой не пугает, наоборот, им хочется покоя, тишины, долгих упоительных прогулок по музеям, паркам, улицам. Что, в конце концов, с деньгами не проблема, хотя долларové платежи в турагентстве были бы все же предпочтительнее «евровых», но... не в деньгах же счастье, сами понимаете.

В чем именно заключается это самое счастье, кто-то, а Нателла Георгиевна понимала. Первый и самый серьезный урок за двадцать восемь лет совместной жизни с мужем ею был усвоен накрепко. На уровне подсознания, на уровне рефлекса. Вот так сидеть в самолете в бизнес-классе рядом с мужем — это и есть уже самое настоящее счастье. Видеть, когда он отворачивается, смотря в иллюминатор, его седеющий затылок, где волосы уже успели слегка поредеть. Но где, слава богу, нет и намека на плешь, так обезобразившую после сорока многих достойных, импозантных, солидных мужчин. Вот так касаться его руки — класть свою ладонь на его запястье, чувствуя тепло кожи и холодок браслета часов. Обращиваться, встречая взглядом, одновременно стоя и двигаясь на бегущей ленте эскалатора римского аэропорта — глаза мужа, глаза человека, с которым прожита вся сознательная жизнь. Чье тело, привычки, капризы, недомогания так же дороги, как и свои собственные.

В Риме они поселились в отеле «Савой» на Виа Людовизи. Отсюда было рукой подать до всего — до Пьяцца ди Спанья с ее с детства знакомой по фильму «Римские каникулы» лестницей, до фонтана Треви, до Квиринальского дворца и чудесного парка Боргезе.

Отель «Савой» выглядел довольно помпезно: огромные люстры, мраморные полы, зеркала, хрусталь, стойка рецепции, смахивающая по форме и по качеству поли-

рованного дерева на Ноев ковчег. Нателла Георгиевна в первое мгновение даже слегка растерялась — она бы выбрала отель куда скромнее. Но она быстро освоилась. В конце концов, это и называется в Европе хорошим, солидным отелем. Этот неуловимый дух тридцатых в декоре, светлый просторный номер с видом на Тринита Дей Монти, мягкие ковры в коридорах, гасящие шаги постояльцев.

В первую же ночь в отеле Нателла Георгиевна забыла свой зарок не вспоминать о прошлом. Могли ли они с Орестом мечтать о такой поездке лет двадцать тому назад? О, то была тоже жизнь — зебра в черно-белую полоску. Кому рассказать, кто теперь поймет? Первые годы, прожитые вместе, — они ведь поженились с Орестом совсем молодыми, наперекор всему — родителям, здравому смыслу, будущему. Первые годы вместе — учеба в институте, работа, два выкидыша, приговор знакомого врача-гинеколога о полной неспособности иметь ребенка, вечные посиделки на кухне с друзьями, джин из валютной «Березки», клубы сигаретного дыма, разговоры на животрепещущие темы о поездке в Тарусу, о последнем скандале на Таганке, о войне в Афганистане. Сплетни об уехавших в Америку знакомых, однокашниках, планы на отъезд, планы на житье-бытье в Союзе.

За участие в некоем сборнике аналитических статей, опубликованном на Западе, у Ореста были сначала трения, а затем крупные неприятности с КГБ. Его дважды вызывали на Лубянку. Нателла поддерживала его, гасила его страхи (ведь он боялся, как и всякий нормальный человек, опалы, лагеря, лишения привычного, с детства привычного, обеспеченного, московского уклада жизни). Она ободряла его как жена и как товарищ, говорила, что он не должен поддаваться ИМ, что у НИХ против него все равно ничего нет — законного, того, что может прозвучать как обвинение на суде — в измене, в антисоветской деятельности. Там и действительно ничего тако-

го не было — посмотреть сейчас, спустя двадцать лет, все было так несерьезно, дилетантски. Они были молоды и простодушны. Им постоянно мерещилось, что все возвращается вокруг них — даже Лубянка с ее железным Феликсом и подземной тюрьмой.

Но они и мечтать тогда не могли, что когда-нибудь вот так просто получают визу, сядут в самолет и прилетят в Рим. И будут жить в первоклассном отеле, просыпаться, завтракать в ресторане, гулять до изнеможения, ужинать в любой приглянувшейся траттории, ездить на такси в Остию, в Тиволи, зная, что все это так и должно быть, потому что это не что иное, как каникулы, после которых они снова сядут в самолет и свободно, без всяких препятствий, без всякого КГБ-ФСБ, смогут вернуться домой в Москву. И им ничего за это не будет.

Размышляя обо всем этом, Нателла Георгиевна даже всплакнула украдкой — мир кардинально изменился за каких-то два десятилетия. И привыкнуть к этому было нелегко, хотя перемены являлись не чем иным, как полностью сбывшимися мечтами молодости.

Первые пять дней в Риме Нателла Георгиевна с мужем почти не расставалась. Они гуляли по городу с утра до вечера. Рим затягивал, как гигантская воронка, стены которой были сплошь мозаикой из полотен Рафаэля, Караваджо, Андреа дель Сарто, а дно упиралось в бесконечную Аппиеву дорогу, уводившую под землю, в древние катакомбы. Именно после дня, проведенного в катакомбах Святой Каллисты, Орест Григорьевич впервые робко пожаловался на усталость. Нателла Георгиевна восприняла это спокойно — позади уже были экскурсия в Ватикан, куда пришлось отстоять грандиозную очередь, и поход на виллу Боргезе.

«Он уже не в том возрасте, чтобы можно было пренебрегать своим здоровьем, — подумала Нателла Георгиевна. — Я должна его беречь». И когда на следующий вечер муж, виновато улыбаясь, отказался от обычной

«прогулки перед сном» — «Нет, Наташа, я пас, я лучше полежу, почитаю», — она восприняла это как должное.

Она покинула отель одна. Было всего пять часов вечера. Погода стояла прекрасная — в конце октября в Риме так же тепло, как в Москве в августе. Измученные и счастливые, обессиленные и беззаботные туристы со всех концов света стекались в бары пропустить по стаканчику, занимали столики уличных кафе, отдыхали, бездумно и блаженно наблюдая городскую суету. Нателла Георгиевна чувствовала себя как нельзя лучше. Вот и брючный летний костюм от Кельвина Кляйна, купленный по совету подруги Светланы перед самой поездкой, пригодился. Ощущаешь себя подтянутой и стройной, сильной, стремительной. А эта чуденькая сумочка в тон, купленная уже здесь, на Виа Моргутта!

По дороге Нателла Георгиевна украдкой ревниво изучала всех попадающихся навстречу сверстниц — римлянок, возвращавшихся домой с работы, и туристок — англичанок, немок, скандинавок. Что ж, конечно, сорок и еще девять прожитых лет — возраст, но... Вон идет итальянка — сверстница. Тоже уже к пятидесяти. Деловой костюм, хорошая обувь, отличные духи, ухоженное лицо, аккуратная прическа. А вон идет помоложе, лет тридцати — лицо потемнело от загара, мелированные волосы как мочалка, джинсы, майка, куртка, все вроде модное, а вида нет. Стиля нет, шика. Пожалуй, та, которой к пятидесяти, выглядит гораздо лучше — по возрасту элегантно.

Она поймала на себе взгляд встречного прохожего. Итальянец. И, между прочим, намного моложе. Вот так, смотрят, заглядываются. На это вот лицо, не тронутое южным солнцем, на эти вот пепельные (пусть крашенные) волосы, на эти глаза — серые, а при удачном освещении зеленые, как у наяды.

Нателла Георгиевна свернула на Виа Венетто. Кто-то говорил — кажется, подружка Зина, — что осенью на

террасах летних кафе этой знаменитой на весь мир улицы собираются стаями сплошные олигархи и звезды Голливуда из тех, кому за шестьдесят и больше. Может быть, за тем столиком сидит обалдевший от биржевых новостей и интриг Сорос? А вон там, чуть подалее, на террасе «Кафе де Пари» переживает приступ повышения артериального давления седой, как лунь, Ален Делон?

Слишком шумная, буржуазная улица — нет, сорока-девятилетней москвичке, пусть и воспитанной на фильмах Феллини и активно увлекавшейся в молодости диссидентством, на этой улице не очень комфортно. Ноги несут дальше, дальше, сумерки над городом как зеленый дым. Загораются первые фонари. Тритон фонтана на площади Барберини целится в прозрачное вечернее небо струей воды. Какое сумасшедшее движение — подалее от этих оголтелых машин.

Нателла Георгиевна свернула направо. А вот и цель этой вечерней прогулки — маленькая церковь Непорочного зачатия. К таким местам в Риме стремятся лишь те, кто впитал в себя Италию еще дома — по книгам, по рассказам друзей — искусствоведов и историков, по собственной склонности ко всему редкому, необычному. Музей капуцинов, располагающийся при церкви, к счастью, был еще открыт. Нателла Георгиевна вошла под прохладные сумрачные своды.

Древний реликварий и хранимые в нем как редкая драгоценность хрупкие кости монахов-затворников. Странное впечатление производит смерть, выставленная напоказ. Уложенные штабелями человеческие кости, черепа. Все соединяется в некий грозный орнамент, от созерцания которого начинает кружиться голова, появляется легкая тошнота и этот холодок, царапающий кожу. Нателла Георгиевна посмотрела вверх — и тут зрелище. Средневековый перформанс — скелет, сжимающий костлявыми пальцами занесенную для удара косу. После шумной городской суеты, после праздничной Виа

Венетто все это как-то... странно, не правда ли? И наводит на кое-какие мысли.

Из музея капуцинов Нателла Георгиевна вышла задумчивой.

Но Рим быстро стер обрывки тревожных воспоминаний, в мгновение ока излечил головокружение. И наполнил сердце покоем. Нателла Георгиевна прибавила шагу. В самом деле — что было, то прошло. Осталось в Москве, похороненное и забытое навсегда. Настоящее в том, что они вместе с Орестом здесь, в Риме. Настоящее — это их номер в отеле «Савой», супружеская постель, совместные пробуждения по утрам под звуки колокола средневековой часовни, сборы, споры, прогулки по городу, обеды и ужины, долгожданная поездка на Сицилию.

Из открытых дверей ближайшего рестораничка слышались звуки гитары. Нателла Георгиевна заспешила назад в отель — такой чудный теплый вечер, надо все-таки вытащить мужа на улицу пройтись перед сном. Или просто посидеть на террасе на крыше отеля, где оборудовано летнее кафе, полюбоваться огнями ночного города.

В холле у стойки рецепции громоздились чемоданы — в отель прибыла очередная группа туристов. Нателла Георгиевна прислушалась к чужеземной речи — ни словечка знакомого, наверное, финны приехали или норвежцы. Она поднялась в лифте на третий этаж. Свет в пустынном коридоре зажегся и гас, подчиняясь ритму ее шага — срабатывали фотоэлементы. Она открыла дверь своего номера, нажав на ручку, — не заперто.

— Не волнуйся, не переживай, я что-нибудь обязательно придумаю, клянусь.

Нателла Георгиевна остановилась в холле номера — увидела в зеркале встроенного в стену шкафа для багажа себя, как есть, без прикрас, с ног до головы. Муж с кем-

то разговаривал по телефону, лежа на кровати. Нателлу Георгиевну он не видел.

— Если бы ты только знала, моя девочка, как я по тебе скучаю, — донесся до Нателлы Георгиевны его приглушенный голос. — Если бы ты знала, каких нервов мне стоит эта проклятая поездка. Я пытался все отложить, но тогда ситуация вообще вышла бы из-под контроля. Ты не знаешь мою жену. Она бы отравила нам жизнь. Нет, это сейчас сделать невозможно. Будет только хуже. Кому? Нам с тобой в первую очередь. Нет, и это тоже пока невозможно. Нет... Давай лучше не будем об этом сейчас, ладно? Вот умница, ты все понимаешь, моя ненаглядная девочка. Ты мне снишься каждую ночь, я все время о тебе думаю. Здесь так красиво, но я как слепой, честное слово — ничего не вижу. Только ты одна у меня перед глазами. Я вернусь через неделю, у нас билеты на самолет на двадцать шестое число. Как только прилечу, сразу же приеду. А до этого буду звонить тебе как только смогу. Я тебя бесконечно люблю, я схожу с ума без тебя, слышишь?

Нателла Георгиевна тихо вышла в коридор: дверь в номер осталась открытой. Золотисто-коричневый ковер под ногами скрадывал ее неловкие, неуверенные, быстрые шаги. Она дошла до лифта, нажала кнопку. Лифт приехал, распахнул сияющие, отделанные бронзой и мореным дубом двери, но она не двинулась с места. Лифт уехал. Прошло сколько-то времени — кто считал? Нателла Георгиевна снова нажала кнопку вызова. Странно, как все же это странно, ненормально устроено... По-идиотски... Можно бежать за три моря и не спастись. Можно искренне хотеть начать все сначала и не начать. Можно жадно желать все забыть и не забыть ничего. То, что было, — это всегда то, что было. И от этого никуда не спрятаться.

Лифт приехал, снова открыл двери, словно призывая в свои механические объятия. Нателла Георгиевна

шагнула в лифт и коснулась кнопки с цифрой «шесть» — последний этаж отеля, ресторан, кафе на открытой террасе на крыше. Под самыми звездами, кокетливо смотрящимися в воды Тибра.

В кафе молоденький официант с коричневым личиком заморенной кухонной суетой мартышки вежливо проводил ее к свободному столику у самых перил террасы. Нателла Георгиевна судорожно вцепилась в протянутое меню, махнула официанту — одну минуту, синьор, потом, после.

Она сдерживалась изо всех сил — ей хотелось кричать, выть в голос. Сдернуть со стола крахмальную скатерть, перебить все бокалы, бутылки. Но вместо этого она трясущимися руками достала из сумки сигареты, закурила. Поднялась, оперлась локтями на прохладные каменные перила террасы, вперила взгляд в темноту. Огни, огни — над парком Боргезе, над Квириналом, на дальних Яникульских холмах. Огни расплываются, дрожат, дробятся в навернувшихся на глаза предательских слезах.

Что же делать? Как жить? Как дальше жить с ним?!

Огни там, внизу, разгорались все ярче. Их становилось все больше, больше...

Нателла Георгиевна перегнулась через перила — там, внизу, городской асфальт, твердый, как камень. Римская мостовая, утрамбованная поступью легионов. Может быть, она примет еще одного легионера? И кому-то двадцать шестого числа потребуется только один билет на самолет для возвращения туда... домой.

Огни заплясали как сумасшедшие, голова снова закружилась и одновременно вдруг стала легкой-легкой, и тело стало почти невесомым.

— Cosa fa?! No! No signora! Aiuto!¹

Чьи-то руки крепко схватили ее сзади, дернули, не

¹ Что вы делаете? Нет! Синьора, нет! На помощь! (*итал.*)

давая окончательно утратить равновесие. Сумка упала на пол, с грохотом опрокинулся стул. Затрезвонили на соседних столах мобильные телефоны — сразу несколько постояльцев отеля, громко крича, вызывали «пронто сокорсо» — карету «Скорой помощи» «для потерявшей сознание синьоры».

Нателла Георгиевна всхлипнула — чья-то сердобольная рука, явно женская, украшенная яшмовым браслетом, стремясь привести ее в чувство, поднесла к ее носу маленький открытый флакон духов. Духи пахли медом и состраданием. И они запрещали умирать вот так просто — случайно или намеренно, буднично и бесславно.

Глава 2

«ПАРУС»

Семь месяцев спустя

День двенадцатого мая всегда, хотя и негласно, считался в гостиничном комплексе «Парус», что раскинул свои комфортабельные корпуса на берегах Серебряного озера, днем «санитарным». Отшумели майские праздники с их наплывом постоянных клиентов, шашлыками, катанием на катерах и скутерах, дискотеккой нон-стоп и праздничным ночным салютом. Большинство отдыхающих разъехалось. В номерах началась уборка, смена белья, чистка и мойка, отпаривание винных и прочих пятен с обивки диванов и кресел.

Для горничной второго этажа главного корпуса Вероники Мизиной это было трудное, хлопотливое время. А тут еще и ночное дежурство выпало.

На втором этаже занятыми оставались всего три номера. Клиентов своих Вероника знала в лицо. В двести восемнадцатом двухместном полулюксе с большим теле-

визором и лоджией, выходящей на поле для гольфа, вот уже две недели жила пожилая супружеская пара — некогда гремевший на всю страну народный артист театра и кино, ныне парализованный, лишившийся дара речи, с женой, превратившейся в добровольную сиделку. В «Парусе», как было известно всему персоналу, они жили на благотворительных началах — месячный курс реабилитации для народного артиста был оплачен из фондов столичной мэрии и Театрального общества.

В двести двадцатом двухместном, стандартном, проживали тоже старики — муж и жена, бывшие совпартработники. Отдыхать на Серебряное озеро их отправил сын-бизнесмен. В шумных развлечениях и анимационных программах мая старики не принимали никакого участия. После завтрака, обеда и ужина чинно гуляли рука об руку по дорожкам парка, а спать ложились рано — сразу же после девятичасовых теленовостей.

С ними у Вероники никогда не было никаких проблем. И старики, и жена парализованного народного артиста были людьми прежней закалки, и не было такого случая, чтобы они третировали горничную.

В двести втором номере тоже оставался клиент, точнее, даже двое клиентов — он и она. Вероника Мизина уже встречала «его» в «Парусе» раньше — он приезжал несколько раз на выходные. Фамилия его была Авдюков. По слухам, он был важной шишкой. И то, что он приезжал на новой дорогой иномарке и всегда бронировал один и тот же двухкомнатный люкс с видом на озеро, только прибавляло ему солидности и веса. А вот «ее», спутницу, Вероника видела с ним впервые. В прежние уик-энды спутницы, помнится, были другие — каждый раз новая: блондинка, брюнетка, рыженькая. Эта была брюнеткой — маленькой, хрупкой, смуглой от загара. Приехала она в «Парус» на своей машине — новой серебристой «Ладе».

Эта пара занимала номер с десятого числа, что было

вообще-то необычно, потому что основные клиенты приезжали утром первого мая, или, на худой конец, вечером седьмого мая. Но эти приехали вечером десятого и всю ночь провели сначала в баре, затем в бассейне, потом на танцах и только под утро переключались в номер. Поздний завтрак они потребовали тоже в номер уже во втором часу дня. А с трех без устали гоняли на катере по озеру. После ужина коротали время в баре и вернулись в номер лишь после полуночи — шумные, крикливые, взбудораженные, еле держащиеся на ногах.

В послепраздничные дни, когда умолкали ди-джеи и сравнительно рано закрывался танцпол, жизнь в «Парусе» замирала обычно уже в половине второго ночи. Положа руку на сердце, в бдении коридорной горничной на этаже не было никакого смысла. Но таков был порядок, и, дорожа своей работой, Вероника Мизина этому порядку подчинялась беспрекословно.

Она сидела у себя в кастильской, смотрела маленький портативный телевизор. Жалюзи на окне были раздвинуты, в окно заглядывала луна. По телевизору шел какой-то старый голливудский фильм — ни одного актера Вероника не знала, да и интереса к фильму не испытывала, но дотянуться до пульта, выключить телевизор не было сил. Она смертельно устала за эти суматошные сутки.

В коридоре хлопнула дверь, послышались голоса — смутно, еле различимо: в «Парусе» была первоклассная звукоизоляция. Вероника покосилась на телефон — сейчас позвонят, наверняка выдернут, что-то потребуют — принеси, подай. Но телефон молчал.

Фильм закончился в половине третьего. Вероника собралась в туалет для персонала умыться — лицо стягивало, пора было смыть с себя косметику, дать коже отдохнуть. Она сползла со стула, подошла к двери кастильской. Невольно оглянулась — огромная, зеленовато-

мутная луна по-прежнему пялилась в окно. Вместо того чтобы направиться в туалет, Вероника подошла к окну.

Долго смотрела в темноту. Обычно в дни наплыва клиентов по всей территории «Паруса» до утра горели фонари. Но сейчас в целях экономии уличную подсветку отключили. Берега озера, причал для катеров и моторок, парк, поля для гольфа, конно-спортивная база освещались только луной. Начало мая выдалось холодным — листья на деревьях только-только начали распускаться, и от этого деревья до сих пор казались голыми, лишь слегка тронутыми зеленым туманом. Было очень тихо — только какие-то тени колыхались, клубились внизу. Вероника закрыла жалюзи, чувствуя, что не желает впускать в кастелянскую эту лунную обморочную мглу. Она вдруг вспомнила, что одна на всем этаже из всего персонала, что дверь кастелянской не заперта.

Не то чтобы она боялась или нервничала — нет, но все-таки она подошла к двери и повернула в замке ключ. А умыться в служебный туалет в другом конце коридора, рядом с кладовой для пылесосов и моек так и не пошла. Села на стул, набросила на плечи вязаную кофту, налила себе горячего сладкого чая из термоса и...

Сон сморил ее уже через пять минут. Согнувшись на стуле, Вероника спала.

Проснулась оттого, что ее что-то разбудило. Еще не понимая спросонья, что это было — шум, телефонный звонок, — она оглядела комнату: горит лампа настольная, стоит открытый термос, закрыть забыла, чай, наверное, давно остыл, кофта на полу валяется, жалюзи на окне, дверь закрыта, ключ торчит и...

Какой крик! Сердце Вероники замерло — из-за двери, из коридора донесся дикий вопль, в котором, кажется, не было ничего человеческого.

Вероника вскочила, спотыкаясь, кинулась к двери и... остановилась. Но колебание ее длилось всего пару секунд — она все-таки была храброй женщиной. Повер-

нула ключ, распахнула дверь — слава богу, в коридоре свет! Конечно же, свет, так и должно быть, свет никто не гасит, он горит всегда.

Коридор был пуст. И тут душераздирающий крик повторился, закончившись хриплым стоном. Он шел из двести второго номера. Вероника бросилась туда. Толкнула дверь — влетела, даже не успев удивиться, что дверь не заперта, и...

На полу холла-гостиной на красном ковре бился в ужасных судорогах полуголый мужчина. Потрясенная Вероника с трудом признала в нем того самого беспокойного клиента по фамилии Авдюков. Лицо его было искажено гримасой боли, он со свистом втягивал в себя воздух, царапал ковер. Вероника почувствовала какой-то странный запах, но от испуга никак не могла сообразить, что это. Выскочила в коридор, зовя на помощь, плохо соображая, что звать бесполезно — надо звонить. Кинулась в кастиелянскую к телефону.

Вдогонку ей из двести второго номера снова раздался вопль такой силы, что его услышали не только разбуженные постояльцы главного корпуса, но и сладко дремавшие в этот глухой предрассветный час охранники в сторожке на въезде в «Парус».

Глава 3

МЕГЕРА ИВАНОВНА

Что лукавить, интерес к происшествию в «Парусе» Катя — Екатерина Сергеевна Петровская (по мужу Кравченко), криминальный обозреватель пресс-центра ГУВД Московской области, — ощутила не сразу, а лишь тогда, когда увидела в сводке среди фамилий сотрудников, участвовавших в первоначальных следственных действиях, фамилию Киселева.

— Ну, и чем же ты будешь заниматься без меня, до-

рогуша? — спросил Катю муж Вадим Андреевич Кравченко, именуемый на домашнем жаргоне «драгоценным В.А.».

Спрашивать «драгоценному» было легко: вместе со своим закадычным другом Сергеем Мещерским он отправлялся догуливать свой законный отпуск. И куда отправлялся-то! Катя холодела каждый раз, когда он и его закадычный дружок расстилали на полу карту и начинали азартно ползать по ней, ища некую «долину реки Чилик, протекающей у подножия хребта Заилийский Алатау». Это было где-то на краю света. Точнее, возле горного озера Иссык-Куль в Казахстане.

Инициатором поездки, конечно же, выступал неугомонный Мещерский — его турфирма «Столичный географический клуб» всю зиму набирала группу любителей экстремального отдыха для экспедиции в Заилийский Алатау. В рекламном буклете экстремалов Катя прочла о том, что «долина — малоизученное и труднодоступное место, где нет дорог и куда добраться можно лишь вертолетом и по опасной конной тропе». По сведениям того же буклета, в горах Алатау все еще водились непуганые барсы, медведи, рыси, архары и горные куропатки — кеклики. По заснеженным вершинам как у себя дома слонялся снежный человек Ети, который нет-нет да и вступал в контакт с кем-либо из охотников или пастухов — просил то сигареток, то дровишек подкинуть.

Катя умоляла «драгоценного» не ехать. Плакала, твердила: «Ты меня совсем не любишь». Но все было напрасно — «драгоценный» бубнил, что лучший отдых для настоящего мужчины у походного костра с двустволкой в обнимку. Что одного «в эту захребетную дичь» он все равно друга Серегу не отпустит. Что он, в конце концов, дал слово товарищам и что у них подобралась отличная команда: Витька, Димон, Саня, многоопытный Пал Палыч и, естественно, Колян — куда без Коляна!

Сергей Мещерский, чувствовавший себя перед Ка-

тей, по его же собственному признанию, «капельку виноватым», в эти семейные разборки дальновидно не вмешивался. Но при каждом телефонном разговоре с Катей старался вежливенько ее успокоить, в основном упирая на то, что у них четко разработанный маршрут, снаряжение просто супер и в доску надежный проводник — сам знаменитый Кара-Мерген, который, по слухам, до выхода на пенсию был личным егерем президента Казахстана.

Короче, это был чисто мужской поход «туда и обратно». Катю же оставляли дома как женщину и хрупкий балласт, не способный ни лазить по горам, ни ездить верхом, ни выслеживать рысь на тропе, ни красться по пятам за снежным человеком.

Чтоб он пропал, этот урод! Катя из всех «прелестей», заманивших мужа в эту экстремальную авантюру, отчего-то больше всего ненавидела именно это снежное страшилище и желала ему подавиться кем-нибудь из чокнутых путешественников — например многоопытным Пал Палычем или, на худой конец, тошеньким, невкусным Коляном.

И вот, отбывая в отпуск на край света, «драгоценный» самым строгим тоном поинтересовался:

— Так чем же ты будешь заниматься без меня, дорогуша, а?

— Я буду по тебе скучать, — отвечала безутешная Катя (разговор начался еще дома, а продолжился в зале отлета аэропорта Внуково). — Очень, очень скучать и ждать. Ну, может, на днях к Марьяне Киселевой съезжу — помнишь Марьяну? У них там, в Щеголеве, какой-то случай странный, я прочла в сводке криминальной.

— К Марьяне можно, разрешаю, — «драгоценный», когда что-то разрешал, чувствовал себя «королем-солнцем» — милостиво улыбался, благодушничал. — С мужем-то она своим вчистую развелась? М-да... Вырвался

мент из хищных, цепких лапок, обрел-таки долгожданную свободу.

«Драгоценный» вместе с закадычным другом Мещерским и всей командой экстремалов улетел в Алматы в среду. А уже в пятницу Катя, обговорив командировку с начальником, отправилась в Щеголево.

После майских праздников, когда большинство газет и журналов не выходило, наступили горячие дни. Телефоны в кабинетах пресс-центра ГУВД разрывались. Сотрудники потрошили сводки, стараясь выудить в них для журналистов, жаждавших новостей, хоть что-нибудь. Речь уже шла не о сенсации, не об изюминке — обрабатывались и пускались в информационный оборот самые что ни на есть банальности типа пьяных драк, поножовщины, уличных грабежей и квартирных скандалов.

Происшествие в загородном отеле «Парус» стояло в этом унылом перечне особняком. Однако сведения, которые удалось собрать Кате в главке, были самые туманные, то ли криминал, то ли трагический несчастный случай — непонятно. Потерпевший — некий Владлен Авдюков — тоже какая-то неясная фигура. Предприниматель, по слухам, влиятельный человек, известный многим. Однако до поры по каким-то там причинам державшийся в тени. Одно было бесспорно: уголовное дело, возбужденное по факту гибели этого самого Авдюкова, в данный момент находится в производстве старшего следователя Щеголевского ОВД капитана милиции Марьяны Киселевой.

Марьяна же была подругой Кати. Давней, близкой. И в ее жизни в последние месяцы произошли значительные перемены. Увы, к худшему.

Главной достопримечательностью Щеголева было, конечно же, Серебряное озеро. Катя очень любила его. Пожалуй, в ближнем Подмоскowie не встретишь более живописного и тихого уголка. Городок Щеголево пос-

ле войны проектировали и строили пленные немцы, именно поэтому он, наверное, и отличался странной для провинциального городка планировкой и архитектурой: прямые, словно прочерченные по линейке улочки и дома — двухэтажные коттеджи из красного кирпича на шесть квартир каждый. Возле коттеджа крохотный палисадничек с оградой. От одного дома до другого ровно двести шагов — можно даже и не считать, не ошибешься.

Вдоль улочек были высажены тополя, пух которых летом летал над городком, как снег. Детвора поджигала спичками пух на тротуаре, на лавочках в палисадниках сидели старушки, кошки. На подоконниках стояли аквариумы с рыбками и клетки с волнистыми попугайчиками. Население, в оные времена поголовно занятое на единственном имевшемся в городке оборонном предприятии, ныне почти в полном составе ездило на автобусах и маршрутках на заработки в Москву.

Окрестности Щеголева и особенно берега Серебряного озера были признанной и популярной зоной отдыха. По берегам тут и там в сосновых борах за высокими заборами скрывались корпуса и коттеджи загородных клубов, отелей, домов отдыха и гостиниц. Активно строились особняки и дачи — новые, похожие на дворцы и замки. Но было и немало старых дач, потому что Серебряное озеро во все времена славилось в Подмосковье так же, как и Валентиновка, Малаховка и Фирсановка.

В общем, это было славное место. Катя любила Щеголево и прежде часто в нем бывала, приезжая в гости к Марьяне и ее мужу Максиму — на их свадьбе шесть лет назад она даже была свидетелем со стороны невесты. Браку предшествовал страстный роман, всеми подробностями которого влюбленная по уши Марьяна делилась с Катей. Помнится, Катя даже завидовала втихомолку: вот как бурно и пылко может ухаживать за лейтенантом милиции (Марьяна только-только тогда еще пришла на работу в Щеголевский ОВД после окончания

института) капитан милиции Максим Киселев, тогда начальник местной ГАИ.

Разве можно представить начальника ГАИ, поющего серенаду под окнами любимой? В Москве такого, пожалуй, сочтут сумасшедшим или пьяным вдугаря и втихомолку уволят — от греха подальше. А в Щеголеве — совсем иная аура. Раз влюбился — пой до хрипоты, бренчи на гитаре, забыв и про должность, и про погоны. И никто слова тебе не скажет, не крутанет у виска пальцем — мол, ку-ку, совсем того. Старушки головками покачают только, как одуванчики божьи, вздохнут — эх, молодость-девственность, простота!

Максим действительно простаивал ночи напролет под окнами Марьяны (даже под проливным дождем, даже в зимнюю пургу) — это было Кате доподлинно известно. Дважды имел крупные объяснения из-за нее с коллегой из местного УБОПа — тот тоже закидывал было удочки, но в конце концов отступился. Кишка была тонка так ухаживать и добиваться. А Максим ухаживал как бешеный — играл для Марьяны на гитаре, пел, на спор прыгал в ледяную воду Серебряного озера в марте, выиграл ради нее соревнования на первенство ГУВД по рукопашному бою и совершал еще немало разных безумств и глупостей, о которых Марьяна тогда рассказывала Кате с напускным безразличием и тайным восторгом. Уже после свадьбы, беременная на третьем месяце, она тайно призналась Кате, что все эти безумства со стороны бесшабашного начальника ГАИ в принципе были и не нужны — она ведь полюбила его сразу, как только увидела впервые за столом в служебном кабинете. С ее стороны это была любовь с первого взгляда и на всю жизнь.

У Марьяны с Максимом родилась дочка Верочка, а потом прошло шесть лет и...

Когда Марьяна сухо сообщила по телефону: «А мы развелись — вчера был суд», Катя буквально лишилась дара речи.

Это было сразу после Нового года. Такой вот подарочек-сюрпризик. А сейчас на дворе уже был май. Май-чародей...

Между прочим, к сведению любопытных туристов-краеведов: Щеголевский ОВД полвека назад тоже строили пленные немцы. Готический стиль, однако, на этот раз не приветствовался — восторжествовал сталинский ампир. Фасад ОВД украшали две нелепые колонны с лепниной, окна оберегали крепкие решетки, стены всегда красились в нейтральный терракотовый цвет, парковка для служебного транспорта старательно убиралась и подметалась так называемыми «суточниками». К главному зданию, где сидел начальник ОВД, его многочисленные замы, кадры и уголовный розыск, примыкали флигельки, где располагался гараж, экспертный отдел и где, теснясь в маленьких подслеповатых кабинетах, гнездились непритязательные к бытовым лишениям дознаватели и следователи.

Чтобы попасть на территорию ОВД, огороженную бетонным забором, надо было пройти через дежурную часть.

— Вы к кому, гражданочка? По какому такому вопросу? — остановил Катю грузный пожилой дядька — дежурный.

Катя предъявила свое удостоверение.

— Я к старшему следователю Киселевой Марианне Ивановне.

— Проводи товарища капитана из пресс-службы, — приказал дежурный молоденькому помощнику. — А вы что же это, про старшего следователя Киселеву в газете писать будете?

— Очень даже возможно, — уклончиво ответила Катя.

— А в какой такой газете?

— В «Щите и мече», например.

— Это что же у вас, приказ такой от начальника — в газете писать? — не унимался дежурный.

— Приказ, — ответила Катя. Есть такая категория дядек-дежурных из старослужащих, которые не видят смысла жизни без этого слова.

— А, ну-ну, тогда удачи вам, — усмехнулся дежурный в прокуренные усы. — Миша, голубчик, сопроводи товарища капитана.

Помощник Миша довел Катю лишь до середины внутреннего двора — передал с рук на руки кругленькому, бритому под ноль сверстнику из отдела дознания.

— Откуда такая птица? — донеслись до Кати их переговоры шепотком.

— Да из главка вроде.

— К кому?

— Да не поверишь — к мегере нашей. Вот умора! Ну, сейчас она ее встретит, сейчас угостит.

Кругленький и бритый довел Катю тоже не до самого кабинета:

— Сюда, в этот вот флигель. Вон шестая дверь в конце.

— А что, у вас ремонт, что ли? — спросила Катя. — Следователи ведь, кажется, раньше вон там, вместе с экспертами сидели?

— А там ремонт второй год, — вздохнул дознаватель. — То крыша текла — чинили, то полы перестилали, то стены шпаклевали. Потом потолки белили. Потом Интернет тянули, связь, теперь не знаю, что и делают.

— Совершенства, наверное, добиваются.

— Угу, наверное. Трехнешься с этим ремонтом. Вон туда вам, стучите громче. Не бойтесь.

Катя постучала в дверь шестого кабинета. Открыла.

— Выйдите. Не видите, я занята!

Голос Марьяны Катя сначала даже и не узнала. Резкий, огрубевший от сигаретного дыма, раздраженный до крайности. Марьяна сидела за столом, заваленным бу-

магами. Что-то, низко наклонившись, писала. На плечи наброшен милицейский китель — в кабинете было прохладно. Напротив нее за столом сидел молодой парень — тоже бритый, как и провожатый-дознаватель, однако не совсем налысо. На его макушке фантазией парикмахера был оставлен островок густых темных волос, слепленных при помощи геля-фиксатора в причудливый «ирокез» дыборком.

— Я сказала, закройте дверь! — повысила голос Марьяна, оторвалась от своей писанины, увидела Катю в дверях и...

— Ты? Приехала? Катька, Катюшка! Проходи, я сейчас. — Марьяна встала, взяла телефонную трубку: — ИВС? Мамонтова заберите, я позже с ним продолжу.

Буквально через секунду в кабинет заглянул, как-то слишком робко для конвоира, милиционер, вывел обладателя хитрого «ирокеза».

— Я советую вам, Мамонтов, подумать над своим положением, — ледяным тоном выдала Марьяна ему в качестве напутствия. — Все, что вы тут мне несли, — это бред и вранье, которое я даже не собираюсь заносить в протокол. Я очень советую вам сказать правду.

— А я лгуном сроду не был, — мрачно, чрезвычайно даже мрачно и нелюбезно парировал Мамонтов.

Мягко закрылась за ним и его конвоиром дверь.

— Катюша, ты молодчага! Хоть одно нормальное человеческое лицо в этом зоопарке! Садись, ты что стоишь? Садись, отдыхай. Сейчас проветрим после этого гоблина, воздух свежий впустим. — Марьяна скинула в мгновение ока туфли, легко и проворно вскарабкалась на стол, заваленный бумагами. Потянулась к фрамуге окна, причем наступила на исписанные протоколы.

— Осторожно, помнешь, — улыбнулась Катя.

Стоя на столе, Марьяна пнула ногой кипу протоколов, неподшитых экспертных заключений, копий отдельных поручений, характеристик.

— Вот, вот и вот! — Дернула за веревку — фрамуга с грохотом отвалилась вниз, впуская в кабинет прохладный майский ветерок. — Молодец, что приехала. И правильно, что без звонка. Позвонила бы вчера — я бы сказала: не надо, не приезжай.

— Вот так раз. Не хочешь меня видеть?

— С ума сошла? Конечно, хочу. Сто раз звонить тебе собиралась. Возьму трубку, даже номер до половины наберу и брошу.

— Почему? — Катя вглядывалась в лицо Марьяны. — Ну, почему?

— Потому. — Марьяна прыгнула на пол. — Мамочки, колготки зацепила. Гадство какое, новые, сегодня только надела. Потому что знаю наперед все, что ты будешь мне говорить. Все, все, все знаю.

— А вот и не знаешь. — Катя уселась на стул. — Но это потом, позже. Мне тоже надо с духом собраться. А пока... Я ведь к тебе приехала по поводу случая в «Парусе». Что-то там совсем непонятное с этим потерпевшим Авдюковым.

— А что там непонятного? — Марьяна пожалала плечами. — Сдох и сдох мужик. И черт с ним, и никто не заплачет. Одним самцом меньше, одним больше.

Катя внимательно посмотрела на подругу. В Марьяне, которую она знала так давно и так близко, что-то разительно изменилось. И дело было не во внешности, хотя Марьяна кардинально изменила прическу — зачем-то отрезала свои густые длинные волосы, которые, помнится, так любил распускать ее муж Максим, сделала в местном салоне красоты модную «креативную» стрижку, открыв шею и уши. Перемены были в другом — в манере разговаривать, двигаться, реагировать на вопросы. Даже улыбка у нее стала какой-то иной — немного вымученной и чуть-чуть злой.

— Мне показалось, что это не рядовое происшествие и что из этого можно будет сделать неплохой матери-

ал. Интересный читателям, — скромно пояснила Катя. — Но знаю я крайне мало. В сводке было написано, что этот Авдюков умер по дороге в больницу прямо в «Скорой». А как получилось, что это дело попало к тебе?

— Я просто дежурила сутки. В полшестого утра меня из дома подняли — телефонограмма из больницы поступила. Дежурный, недолго думая, решил, что налицо тяжелое причинение вреда здоровью со смертельным исходом, то есть наша прямая подследственность. Хотя тогда еще толком ничего было не ясно.

— А в телефонограмме из больницы указывалась причина смерти?

— Там было написано — «подозрение на отравление». — Марьяна достала сигареты из ящика стола, протянула Кате, та покачала головой: «Нетушки, мерси». — К тому же, когда утром мы приехали в «Парус» с экспертом, обнаружилась некая подозрительная бутылочка.

— Неужели фальшивая водка? — разочарованно спросила Катя. — Отравился подделкой?

— Катенька, дорогая, ты видела «Парус»? — спросила Марьяна.

— Конечно, видела, мы с тобой видели, когда по озеру нас Макс, твой муж... катал. Тогда, давно еще, — Катя отчего-то смутилась. Ой, не надо было про мужа. Бог с ним совсем, с мужем этим. Это называется соль на рану сыпать. — Место шикарное.

— Потерпевший Авдюков снимал в «Парусе» двухкомнатный люкс. В праздничные дни люкс стоит около пятисот долларов за сутки. Мужики, которые позволяют себе по полкуса за ночь кинуть вот так за здорово живешь, паленую дрянь не пьют.

— А что они пьют? — усмехнулась Катя. — Амброзию, что ли? Нектар?

— Дрянь пьют, только очень, очень дорогую. Иначе престижа нет и кайфа не словишь.

— А где та бутылка, что вы при осмотре обнаружили?

— Я ее как вещдок на химическую экспертизу отправила. По настоянию патологоанатома там и гистологию будут проводить. Хотя и без экспертизы можно сказать, что...

— Что? — спросила Катя.

Марьяна вздохнула, тряхнула волосами — эх, подружка, о чем мы толкуем? Что, у нас нет нормальных тем для разговора, что ли?

— И все-таки хорошо, что я приехала, — заметила Катя после паузы: — Давно бы мне надо сюда — не знала я, что тут все так запущено.

— Ничего не запущено, — Марьяна затаилась. Курила она, как индеец, — невозмутимо и живописно. — Все как раз понемногу расчищается. Приходит в норму.

— Он хоть с дочкой-то встречается? С Верочкой?

— Кто?

— Твой бывший муж. Максим.

— Нет.

— Что, ни разу? За полгода?

— Ни разу. У нее день рождения был, так и то не приехал. Водителя своего прислал с игрушкой. Куклу Барби ей подарил и азбуку говорящую на батарейках.

— А у него что, теперь и водитель свой есть?

— А как же? Есть. Начальнику управления по чину полагается.

Катя скривила губы — ах, начальнику, ага. Удивительное дело, некоторые мужчины прямо рождаются начальниками. словно некто неизвестный, но очень плодовитый откладывает такие личинки-яички, из которых вылупляются одинаковые номенклатурные куколки среднего и старшего начальствующего состава. Макс Киселев вылупился из личинки начальником ГИБДД Щеголевского отдела внутренних дел. В то время, правда, у него еще не было персонального водителя. Он ко-